

Чжу Юйда уже понял истинную причину своего заключения. Тяжело вздохнув, он пробормотал:

— Теперь генерал Фу на меня в ярости. Даже не знаю, какое наказание ждет меня, когда я вернусь.

Сидя в темнице, он был отрезан от внешнего мира и еще не знал, что его уже исключили из рядов императорской гвардии — Юйлиньвэя.

Несколько сослуживцев переглянулись, и их взгляды устремились к Фу Сияню. Фу Сюань приходился ему дядей, поэтому было логично, чтобы именно он заговорил первым.

Фу Сиянь почесал щеку:

— Может быть, возможно... увольнение?

Чжу Юйда вздрогнул всем телом и воскликнул:

— Да как же до такого дошло?

Этот вопрос отражал чувства всех присутствующих.

Напился, устроил дебош — велика ли беда? Поругали бы, оштрафовали на жалованье, и дело с концом. Почему вдруг сразу увольнение? Конечно, находились желающие замолвить за него словечко, но Фу Сюань в этот раз проявил невероятную суровость, и все просители лишь накликали на себя беду, получив в ответ порцию брани.

Чжу Цяо покачал головой:

— Сам виноват. Надо же было выбрать такой неудачный момент для своих выходок. Ни раньше, ни позже, а именно когда генерал Чу пошел на повышение. Это как плыть против ветра — не повезло, что тут скажешь.

Остальные тоже тяжело вздыхали, считая, что Чжу Юйда стал невинной жертвой чужого гнева.

Однако сам Чжу Юйда прекрасно понимал, что причинно-следственная связь здесь как раз обратная. Именно потому, что он, совершив проступок против начальства, самовольно присвоил императорскую вещь, нарушив дворцовые табу, император Цзяньхун решил проучить партию Фу. Так и состоялось стремительное возвышение Чу Гуана!

Его нынешнее заточение было одновременно и несправедливым, и вполне заслуженным.

Заметив смущение на лице товарища, Чжу Цяо попытался его утешить:

— Ты ведь изначально был в списке на перевод к генералу Чу. Возможно, когда выйдешь, тебя сразу отправят в Цзиньивэй.

Для человека из партии Фу попасть в Цзиньивэй — все равно что войти в пасть тигру, но для нынешнего Чжу Юйда это был хоть какой-то путь к спасению.

Чжу Юйда не нашелся, что ответить, и лишь невнятно промычал что-то в знак согласия.

Поговорив еще немного, они слышали, как стражники осторожно призывают их заканчивать. Все поднялись, чтобы попрощаться, но перед уходом Чжу Юйда внезапно окликнул Фу Сияня:

— Прошу, замолви за меня словечко перед генералом Фу. Я... я лишь по глупости совершил ошибку, но хотел как лучше, хотел помочь. Умоляю, пусть генерал проявит милосердие, вспомнив о моей былой преданности!

Фу Сияню эти слова показались странными.

Назвать пьяный дебош ошибкой по глупости — еще куда ни шло, но вот «хотел помочь» — это уже ни в какие ворота не лезло.

Кому помочь?

Управе столичного округа выполнить план по арестам?

По дороге домой он все размышлял над этим, и в тот момент, когда он переступил порог дома, его осенило.

Чжу Юйда за пьяный дебош попал в тюрьму, его досье испорчено, из Юйлиньвэя его выгнали, в Цзиньивэй не возьмут... Разве это не то, о чем он сам мечтал — увольнение?

Каким бы ни был истинный смысл «желания помочь» у Чжу Юйда, для него это стало отличным примером!

Посидеть немного в тюрьме, чтобы навсегда вырваться из оков государственной службы — это того стоит!

Фу Сиянь почувствовал, как сердце радостно забилося. Не в силах сдержать порыв, он развернулся и зашагал обратно.

Стражник у ворот опешил:

— Четвертый господин, вы куда?

Фу Сиянь, не оборачиваясь, бросил:

— В тюрьму!

Хотя он редко выходил из дома, он прекрасно знал, где в Хаоцзине самые дорогие заведения и где собираются высокопоставленные чиновники. Если уж устраивать дебош, то точно не с простолюдинами — если показать статус сына чиновника, доброе дело может обернуться бедой. Но и нарываться на сталь нельзя: он хотел навредить только себе, а не всей семье.

После долгих поисков он выбрал ресторан Цзуйлоу. Говорили, что это заведение принадлежит теще столичного градоначальника, и именно здесь дебоширил Чжу Юйда — протоптанная дорожка всегда надежнее.

Едва Фу Сиянь подошел к дверям, как его встретил официант:

— Добро пожаловать! Вы бронировали столик?

Фу Сиянь с важным видом ответил:

— Нет, но мне нужен лучший кабинет. В это время в лучшем кабинете наверняка кто-то есть, верно? Хи-хи-хи...

Поскольку он не знал своей меры в вине, он решил устроить дебош, пока еще находится в трезвом уме.

— Слушаюсь! — радостно воскликнул официант. — Проводите дорогого гостя в кабинет Чжайсин!

...

Фу Сиянь оглядел переполненный ресторан. Не может быть! Час пик, популярное место, лучший кабинет — и он пустует?! Вы что, все эти клиенты в зале — подставные?

Ситуация стала сложной.

Нет, путь к цели долг, нельзя пасть на старте.

Он поплелся вперед тяжелой поступью. Официант, видя его состояние, хотел поддержать, но Фу Сиянь отстранился:

— Нет, я должен пройти свой путь на своих ногах.

Официант: «...» Но ваше тело перекрывает дорогу другим.

В этот момент за его спиной раздался ясный голос:

— Официант, есть еще свободные кабинеты?

Хм? Кабинеты?

Фу Сиянь совершил резкий разворот на сто восемьдесят градусов и просканировал взглядом молодых людей у входа. По одежде и манерам — явно дети богатых родителей, причем он их раньше в кругах аристократии не видел.

Убедившись, что незнакомцы, Фу Сиянь, проявив несвойственную толстяку прыть, подскочил к ним.

Молодой человек, увидев, как на него несется этот «вихрь», не смог скрыть испуга.

Фу Сиянь слегка улыбнулся и, дождавшись, пока тот расслабится, тут же набросился с вопросами:

— Смотрю на вас — красивы и статны, наверняка для обеда выберете лучший кабинет. Неужели хотите занять кабинет Чжайсин раньше меня?

Молодой человек, ошарашенный такой внезапной похвалой и последующим обвинением, не зная, злиться или радоваться, мягко пояснил:

— Господин, вы ошибаетесь. Благородный муж не отнимает чужого. Хотя я не могу назвать себя благородным, но мы видимся впервые, обид нет, это всего лишь комната, зачем же нам спорить?

Фу Сиянь: «...»

Разве дети богатых родителей не должны быть капризными? Как можно сохранять такое спокойствие, когда к тебе так нагло пристают?

Он уже собирался подобрать слова, чтобы продолжить атаку, как в ресторан вошла еще одна группа людей — друзья этого молодого человека, с которыми он договорился об обеде.

Фу Сиянь тут же нашелся:

— У каждого свое мнение, откуда вам знать, что все думают так же? Может, спросите совета у своих спутников? — молил он про себя, — ну поспорьте же хоть немного!

Молодой человек, увидев недоуменные взгляды друзей, вкратце объяснил ситуацию, подчеркнув, что не хочет отнимать кабинет. Друзья в ответ хором заявили:

— Господину Чжаню решать.

Фу Сиянь: «...»

Господин Чжань, ну давай же, прояви характер!

Кучка молодых людей, полных сил, и ни капли дерзости!

Он глубоко вздохнул и только собрался что-то сказать, как из толпы вышел высокий юноша:

— Зачем выбирать? Встреча — это судьба, почему бы не посидеть вместе?

Ты думаешь, я не могу себе позволить оплатить счет?

Фу Сиянь уставился на него, и тут же — глаза расширились, зрачки сузились, а на лице медленно расплылась самая искренняя и теплая улыбка:

— Хорошо, конечно!

Молодые люди переглянулись, решив, что он просто хочет напроситься на бесплатный обед.

Фу Сиянь нервно усмехнулся. Ему бы хотелось провалиться сквозь землю, но... кто осмелится отказать третьему принцу?

Он начал сомневаться в реальности происходящего.

Судя по тому, как разворачиваются события, его путь — это вовсе не история неудачника.

В конце концов, за все эти годы он перепробовал все клише героев с «золотыми пальцами»: колотил палки, носил мусорные кольца, собирал обрывки секретных техник... Единственное, чего не случилось — это высокородная невеста, которая пришла бы расторгнуть помолвку, чтобы он смог ей отомстить. Но он старался как мог, однако так и не нашел Фу Фу «золотого отца» с секретным даром, из-за чего начал подозревать, что его попадание — это просто медицинская ошибка из-за некачественного супа Мэн По.

Зато в последнее время жизнь вдруг стала яркой — то на работе придираются, то при попытке нахамить встречаешь принца... Не похоже ли это на офисную дораму? Неужели он с самого начала неправильно определил жанр и на самом деле он — второстепенный персонаж в любовной драме?

Тогда к чему все эти усилия?

Как ни старайся, не перепишешь сценарий, где «небо холодает, и Ван По рушится»!

Фу Сиянь, который на собственном опыте убедился, что чем больше стараешься, тем горше результат, не на шутку встревожился и даже есть начал рассеянно.

«Господин Чжань», заметив, что он пытается зачерпнуть палочками соевый соус, любезно подсказал:

— Воспользуйтесь ложкой.

Третий принц, услышав это, посмотрел на него:

— Еда не по вкусу?

Фу Сиянь поднял голову.

В этот момент последний луч заходящего солнца упал на спину третьего принца, превратив его черные волосы в поток золотого сияния. (Конечно, это было лишь его воображение, вызванное одержимостью «золотыми пальцами»).

Но как не поддаться влиянию? Он решил: раз уж пришел, нельзя сдаваться без боя. С сияющей улыбкой он ответил:

— Очень вкусно, даже соевый соус здесь — просто объедение.

Обед прошел в приятной атмосфере, и при расставании «господин Чжань» даже не хотел отпускать Фу Сияня.

Фу Сиянь удивился:

— Я ведь сначала к тебе пристал, разве ты не сердишься?

«Господин Чжань» застенчиво улыбнулся:

— Это я слишком хорош собой. Матушка часто говорит, что я притягиваю неприятности, как цветы пчел, так что я привык. Не вините себя, брат Фу.

Фу Сиянь: «...»

Нет, вините, это я ослеп.

Вернувшись домой с запахом вина и «ослепшим», он обнаружил, что семья очень рада: они решили, что работа наконец-то вытащила затворника в свет.

Фу Лиань воспользовался моментом, чтобы дать новое задание:

— Скоро день рождения вдовствующей наложницы Чэнь, она хочет картину «Сто долголетья». У знатных семей не хватает юношей, не достигших совершеннолетия, поэтому попросили помочь аристократов. Ты, Дунвэнь и Чэньшэн — в списке.

— Мы будем «лицами» для картины? — Фу Сиянь заколебался. — А если мне достанется роль, где отец должен «пожертвовать собой ради страны»?

Фу Лиань: «...»

Фу Лиань ответил:

— Это просто сто человек, поздравляющих ее с днем рождения, при чем тут Яо Сы? И не вздумай говорить такое при ком-то еще.

Он боялся, что отец не успеет пожертвовать собой ради страны, а умрет от гнева прямо дома.

Фу Сиянь кивнул:

— Если кто-то еще узнает, значит, это ты разболтал.

Фу Лиань: «...» Не зря говорят, что старший брат — как отец. В этот момент он как никогда понял отца, который хотел поколотить младшего брата — иначе злость не выплеснуть.

Поскольку нужно было всего лишь «посветить лицом» для картины, Фу Сиянь в свой последний день службы в Юйлиньвэе заглянул к художникам и неожиданно встретил старого знакомого.

«Господин Чжань» был очень рад его видеть:

— В тот день я сразу понял, что вы человек неординарный, но не думал, что вы из Юйлиньвэя!

В тот день третий принц не спрашивал о его статусе, и Фу Сиянь был рад скрыть правду, не ожидая, что судьба сведет их снова.

Фу Сиянь честно назвал свое имя и добавил:

— Завтра я перехожу в Цзиньвэй, если что-то понадобится, приходите в наше управление! — это было пустое обещание. Цзиньвэю предстояло сопровождать принца в Лоян, своего здания у них не было, они ютились у Цзиньвэя, так что найти его было невозможно.

«Господин Чжань» не знал подвоха и очень обрадовался, назвавшись в ответ: он оказался из дома графа Лэань, семьи Лоу. В этом поколении у них появился талантливый мастер боевых искусств Лоу Уцзай, на которого обратил внимание император, поэтому их влияние было куда выше, чем у графа Юнфэн.

— Меня зовут Лоу Байчжань, прошу прощения, что скрыл имя.

Он не сказал, почему скрывался, но Фу Сиянь, вспомнив, кто был рядом с ним, не стал задавать глупых вопросов:

— Ничего страшного, бывает.

Фу Сиянь сбежал с дежурства, а Лоу Байчжань ждал своей очереди на портрет, поэтому они не могли долго беседовать и вскоре разошлись.

Художник за несколько дней собрал портреты всех юношей из знатных семей и передал их придворному живописцу Мэй Сяину.

Мэй Сяин принял свитки, но направился не к вдовствующей наложнице Чэнь, а свернул к дворцу Шицуй.

По сравнению с роскошью других дворцов, залитый солнцем Шицуй выглядел просто и холодно. Покрытые пятнами стены и облупившаяся краска выдавали ветхость здания.

Лишь несколько кустов роз у коридора цвели ярко и живо.

Мэй Сяин ждал в коридоре, стараясь держаться подальше от цветов, словно боясь, что их яркий цвет испачкает его белоснежные одежды.

Вышла холодная служанка и, не говоря ни слова, безучастно уставилась на него, ожидая, пока он поймет и пойдет следом.

У порога Мэй Сяин остановился и громко произнес:

— Слуга Мэй Сяин, прошу аудиенции у госпожи Жун.

— Входи. — голос звучал так же холодно, как и дворец.

Получив разрешение, он, склонив голову, вошел внутрь. Сделав несколько осторожных шагов, он вдруг почувствовал слабый аромат орхидей, тут же замер и опустился на колени, подняв свиток над головой:

— Портреты, о которых просила госпожа, готовы. Прошу взглянуть.

— Подай сюда.

Служанка взяла свиток и подошла к ширме.

Там стоял медный туалетный столик, за которым сидела хозяйка дворца — благородная наложница Жун Жун. Ее черты лица были яркими, словно луч света или огонь в темной комнате, на нее было страшно смотреть.

Сейчас она сосредоточенно смотрела в зеркало, нанося макияж и безразлично бросив:

— Разверни.

Картина медленно развернулась, но на ней были не сцены поздравлений, а тридцать с лишним портретов юношей.

Жун Жун отложила карандаш для бровей, медленно встала и подошла к картине. Ее взгляд скользил по лицам, и она слегка нахмурилась:

— Кто-то пропущен?

Мэй Сяин ответил:

— Я сверил со списком, никого не пропустил.

Жун Жун сказала:

— Наградить.

Служанка тут же протянула золотой слиток.

Мэй Сяин поблагодарил за награду и уже собрался уходить, как услышал:

— Выдели пятерых самых красивых.

Служанка подала ему использованный карандаш.

Мэй Сяин замер, почтительно взяв его.

Картину развернули к нему. На ней были изображены полные жизни юноши, которые и не подозревали, что их судьбы могут измениться в этот самый миг.

Мэй Сяин заколебался и осторожно спросил:

— Мне оценивать по внешности или по строению костей?

Жун Жун ответила равнодушно:

— Как хочешь. Пятерых мало — бери десять.

Рука Мэй Сяина слегка дрогнула, он прошептал:

— Слушаюсь. — Не раздумывая, он отметил пятерых, а затем добавил еще одного из угла. Поклонившись, он поднял карандаш над головой, дождался, пока служанка заберет его, и, убедившись, что в комнате тишина, попятился к выходу.

С его уходом комната словно лишилась последних признаков жизни, даже солнечный свет стал мертвенным.

Но Жун Жун этого не замечала. Она смотрела на перевернутую картину, подняла руку и провела по своим губам. Палец, испачканный алой помадой, провел по шеям отмеченных юношей на портрете. Внезапно она пришла в ярость, схватила картину и швырнула ее прочь, а затем, не в силах унять гнев, смела все вещи со столика.

— Твари! Твари! Все они твари!

Служанки стояли неподвижно, словно деревянные истуканы, не замечая происходящего.

Наконец Жун Жун остановилась.

Она грациозно вернулась к зеркалу, взяла цветок-украшение и приложила к лицу.

Украшение легло между бровей.

— Отдай картину Ху Юю и скажи ему... — она сделала паузу, — никого не оставлять в живых.

День клонился к вечеру, во дворце Яньин зажглись фонари, пытаясь разогнать наступающую тьму.

Чжан Юань быстрым шагом прошел сквозь свет ламп и вошел в зал. Увидев, что Юй Шуанси стоит на его привычном месте и усердно обмахивает императора Цзяньхуна, склонившегося над бумагами, он помрачнел.

Он подошел к столу и прошептал:

— Ваше Величество.

Император на мгновение замер, затем махнул левой рукой, и Юй Шуанси послушно отошел к дверям.

Чжан Юань почувствовал облегчение и мягко доложил:

— Ваше Величество, новости из дворца Шицуй. — Он подошел ближе и прошептал подробности.

Император отложил кисть, нахмурившись:

— «Сто долголетья» отправили во дворец Шицуй?

Чжан Юань ответил:

— Мне тоже странно. Приказ отдавала вдовствующая наложница Чэнь, при чем тут госпожа Жун? Но дворец Шицуй охраняется как крепость, а слуги там — сплошь преступники из Етингуна. Без вашего приказа я не рискнул действовать.

Император, прищурившись, спросил:

— А если бы я позволил, как бы ты действовал?

Чжан Юань прошептал:

— У меня уже есть на примете ловкие люди, которые могли бы совершить небольшую ошибку и попасть туда.

Император смотрел на фонарь, свет которого падал на его лицо, деля его на светлую и темную стороны. В этом было что-то пугающее. Он долго молчал, прежде чем спросить:

— Помнится, раньше тебя звали Чжан Даохуан?

Чжан Юань вздрогнул и заискивающе улыбнулся:

— У вас отличная память, Ваше Величество. В день моего рождения рис на полях был золотым, вот семья и дала такое имя, считая его счастливым.

— Это я сменил его на «Юань».

— Милость Вашего Величества — великая честь для моих предков.

— Но ты не оправдал надежд.

Эта брошенная вскользь фраза заставила Чжан Юаня задрожать. Он упал на колени:

— Ваше Величество, я в ужасе! Я не смею!

Император бросил перед ним стопку доносов:

— Шпионишь во дворце, связываешься с чиновниками, смеешь самовольно распоряжаться вещами принцев, а теперь заглядываешься на покои наложниц. Скажи, чего ты еще не смеешь? Это я взрастил твое тщеславие.

Чжан Юань в душе кричал от несправедливости.

Когда император взошел на трон, он казнил многих, чтобы внушить страх, и именно тогда Чжан Юань стал его «глазами и ушами» — чтобы двор не считал императора непредсказуемым, а сам император мог контролировать чиновников.

А обвинение в присвоении вещей принца — и вовсе абсурд.

Дружба с графом Юнфэн была намеком самого императора. Разве стал бы тот общаться с евнухом, если бы не было сигнала? Сколько важных донесений было передано, и император всегда закрывал на это глаза! А теперь какая-то рогатка, которой десятый принц даже не пользовался, стала доказательством измены?

Чжан Юань посмотрел на доносы — все они были свежими, явно кто-то затеял это специально. То, что он ничего не знал об этом, означало, что его влияние во дворце исчезло.

От этой мысли его пробрал холод, и он поспешил признать вину:

— Это моя вина, я плохо управлял подчиненными.

Император отрезал:

— Это я плохо управлял, раз вырастил такого злодея!

Чжан Юань был ошеломлен и невольно поднял голову.

Император сидел за столом, его лицо было спокойным, в отличие от резкого тона.

Когда Чжан Юань посмотрел на него, император смотрел в ответ. Свет фонаря был ярким, но не мог проникнуть в глубину его глаз — там была лишь густая тьма. Кто мог представить, что этот император-палач до восшествия на престол был лишь праздным принцем, известным своими стихами и картинами?

Как старый слуга, он слишком хорошо знал амбиции и методы императора. Сегодняшний гнев был не из-за ошибок, а потому что сейчас он стал бесполезен или даже опасен — за этим определенно скрывалась тайна, о которой он не догадывался.

<http://bllate.org/book/19792/1950351>